

Роланд Тимербаев

ПРОБЛЕМА ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПРЕДДВЕРИИ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДНЯО

С приближением Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (обычно сокращенно называемой обзорной конференцией), на которой будут обсуждаться проблемы выполнения договора и общее состояние дел с режимом нераспространения, на передний план вновь выдвигаются вопросы, которые не были решены при заключении ДНЯО или которые были решены неудовлетворительно с точки зрения большой группы государств, прежде всего, стран, не обладающих ядерным оружием и не входящих в военные блоки.

При выработке ДНЯО и формировании международного режима нераспространения было очевидно, что обеспечение безопасности неядерных государств с предоставлением им соответствующих гарантий со стороны ядерных держав составляет неотъемлемый компонент всего режима нераспространения и одно из неперемennых условий его устойчивости и жизнеспособности.

Когда в 1960-х гг. подавляющее большинство международного сообщества пришло к убеждению, что следует положить конец беспредельному расползанию ядерного оружия, то одновременно возникла проблема – как обеспечить тем, кто отказывается от овладения ядерным оружием или не в состоянии по уровню своего научного и промышленного развития пойти по этому пути, необходимую безопасность от применения или угрозы применения против них такого оружия со стороны тех, кто им располагает, т.е. дать им гарантии от давления и возможного шантажа со стороны ядерных держав. Неядерные государства также чрезвычайно заботились о том, придут ли им на помощь и обеспечат ли надлежащую защиту, если кто-либо на них нападет или будет угрожать ядерным нападением. Первый вид гарантий – гарантии неприменения – получил название *негативных*, а второй – гарантии оказания помощи – *позитивных*.

В получении гарантий безопасности были в первую очередь заинтересованы неприсоединившиеся и нейтральные неядерные государства, поскольку страны, входившие в военные блоки или вступившие в иные союзнические соглашения с ядерными державами, могли рассчитывать на их защиту, иначе говоря, имели над собой *ядерный зонтик*. Именно поэтому неядерные государства в ходе рассмотрения проблемы нераспространения и выработки ДНЯО в Женевском комитете 18 государств по разоружению и в ООН настаивали на включении в текст договора соответствующих обязательств ядерных держав в качестве необходимых ответных действий в связи с их отказом от ядерного оружия.

РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ ДНЯО

В практическом плане восемь ведущих неприсоединившихся и нейтральных государств – членов Комитета 18-ти (Индия, Египет, Швеция, Мексика и др.) в совместном

меморандуме от 19 августа 1966 г. в числе мер, которые должны быть осуществлены ядерными державами в связи с ДНЯО, назвали «запрещение применения ядерного оружия и гарантии безопасности государств, не обладающих ядерным оружием», при этом такие меры «могли бы быть воплощены в договоре как часть его положений или в декларации о намерении»¹. Вопрос о гарантиях безопасности неядерных стран вызывал большие сложности и был одним из основных, если не основным камнем преткновения при разработке самого договора.

И Советский Союз, и Соединенные Штаты, сознавая справедливость требований неядерных стран, рассматривали возможность предоставления им гарантий безопасности, но только на определенных условиях. В том, что касается негативных гарантий, со стороны СССР (послание А.Н. Косыгина Комитету 18-ти от 1 февраля 1966 г.) была высказана готовность включить в ДНЯО положение о «запрещении применения ядерного оружия против государств – участников договора, не имеющих на своей территории ядерного оружия [выделено мной. – Р.М.]»². Однако это предложение, поддержанное рядом неприсоединившихся государств (Нигерией, Индией, Египтом, Мексикой, Бирмой), было отклонено Соединенными Штатами, размещавшими в Европе и в некоторых других государствах свое ядерное оружие и поныне имеющими в ряде европейских государств несколько сот единиц ядерных вооружений.

Американской администрацией в 1965 г., как сообщает участник переговоров по ДНЯО Джордж Банн на основе изучения архивных документов, при разработке своего первого проекта договора о нераспространении рассматривалась возможность выступления Соединенных Штатов с формулой негативных гарантий и ее включения в проект договора. Агентство США по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР), ныне сформированное, высказывалось за то, чтобы предложить следующую формулировку:

«Каждый участник настоящего договора, обладающий сейчас ядерным оружием, обязуется не применять ядерное оружие против любого другого участника, который не обладает ядерным оружием, кроме как для обороны от акта агрессии, в который вовлечено государство, обладающее ядерным оружием».

Однако, хотя предложенная формулировка и содержала существенную оговорку, отражавшую доктринальный подход США к применению ядерного оружия, Объединенный комитет начальников штабов США высказал возражения, пишет Банн, против «этого ограничения на свободу ядерных действий», и предложенная АКВР формулировка в проект договора Соединенными Штатами включена не была³.

Что касается позитивных гарантий, то с ними ситуация была несколько более благоприятной. Соединенные Штаты еще в 1964 г., сразу же после первого китайского ядерного испытания, устами президента Линдона Джонсона заявили, что «государства, которые не стремятся иметь собственное национальное ядерное оружие, могут быть уверены, что если им потребуется наша сильная поддержка против ядерного шантажа, то они получат ее». Такое же заявление Линдон Джонсон сделал и в послании Комитету 18-ти 27 января 1966 г.⁴

Одной из наиболее активных в продвижении решения проблемы позитивных гарантий безопасности неядерных стран была Индия, которая в феврале 1967 г. направила в Москву, а вслед за этим также в Вашингтон, Лондон и Париж специальную делегацию во главе с помощником премьер-министра Л.К. Джа и председателем Комитета по атомной энергетике (КАЭ) Викрамом А. Сарабхаем, которые были приняты А.Н. Косыгиным и провели консультации с министром иностранных дел А.А. Громыко и его первым заместителем В.В. Кузнецовым. Индийские представители настойчиво добивались получения гарантий безопасности, не скрывая своей озабоченности по поводу возможной угрозы со стороны Китая.

С советской стороны была высказана готовность выступить с заявлением (и индийцам был передан соответствующий текст) о том, что нападение ядерной державы на неядерное государство создаст «качественно новую обстановку», требующую немедленного принятия мер Советом Безопасности ООН, и прежде всего его постоянными членами, в соответствии с Уставом ООН. Однако при этом было дано понять, что речь не идет о

гарантиях непосредственного использования Советским Союзом ядерного оружия в случае угрозы применения такого оружия против Индии, а вопрос должен решаться Советом Безопасности в соответствии с Уставом ООН.

Спустя некоторое время (во время повторного визита Л.К. Джа в Москву в апреле 1967 г.) Советский Союз, идя навстречу Индии, дополнил свое предложение согласием на включение ссылки на статью 51 Устава ООН, признающую право на индивидуальную или коллективную самооборону до тех пор, пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности.

Тем не менее, ни в Москве, ни в других столицах ядерных держав индийская делегация удовлетворительных для себя заверений не получила и, собственно говоря, получить не могла. Индийская сторона хотела, чтобы Советский Союз, как и другие ядерные державы, предприняли *немедленные* действия, не дожидаясь решения Совета Безопасности, где существует право *вето* постоянных членов. Ни обе основные ядерные державы, ни Великобритания, ни Франция не были готовы гарантировать Индии прямую помощь в случае ее конфликта с Китаем.

Из бесед Л.К. Джа в МИД СССР, на нескольких из которых мне довелось присутствовать, я вынес впечатление, что Индия едва ли была бы готова пойти на подписание договора о нераспространении, даже если ядерными державами и были бы ей даны соответствующие гарантии безопасности. Индия, как представлялось, намеренно фокусировала внимание на проблеме гарантий безопасности, заранее зная, что она не может быть решена на индийских условиях.

При внесении 24 августа 1967 г. в Комитет 18 государств по разоружению согласованного советско-американского проекта договора о нераспространении в нем отсутствовало положение о гарантиях безопасности. Советский представитель А.А. Рошин, представляя этот проект, напомнил при этом о предложении А.Н. Косыгина и заявил, что «советская делегация исходит из достигнутой сопредседателями [США и СССР. – *Р.М.*] договоренности о продолжении обмена мнениями относительно гарантий безопасности для неядерных стран с тем, чтобы найти положительное решение этого насущного и важного вопроса»⁵.

Более определенно, но еще менее позитивно высказался представитель США Уильям Фостер:

«Мы признаем, что предстоит еще рассмотреть проблему гарантий безопасности, которая является предметом заботы некоторых неприсоединившихся государств. Соединенные Штаты придерживаются мнения, что этот вопрос, в силу его сложности и связанных с ним различных интересов, *не может быть рассмотрен в рамках самого договора*. Однако, мы изучаем различные возможные решения его, включая действия, которые могли бы быть предприняты *в рамках Организации Объединенных Наций*, основной целью которой является поддержание мира и безопасности. Мы надеемся, что сопредседатели будут дальше изучать эту проблему с тем, чтобы представить рекомендации этому комитету в ходе рассмотрения нами договора» [выделено мной. – *Р.М.*]⁶.

На заключительной стадии женевских переговоров по ДНЯО в начале 1968 г. между делегациями ядерных держав также обсуждалась идея выступления и с заявлениями о негативных гарантиях безопасности, но *вне рамок* договора. Американцы поинтересовались возможностью отказа СССР от *формулы Косыгина*, на что получили отрицательный ответ. АКВР и госдепартамент США пытались добиться согласия президента Джонсона на декларацию в духе того, что предлагалось АКВР в 1965 г. для включения в проект договора:

«Соединенные Штаты заявляют о своем намерении воздерживаться от угрозы или применения ядерного оружия против любого государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающего ядерным оружием, которое не вовлечено в вооруженное нападение при поддержке государства, обладающего ядерным оружием».

Это было бы не юридически обязательным заявлением, а декларацией о намерении, но и на этот раз Объединенный комитет начальников штабов США высказал возражения, направив президенту меморандум, в котором утверждалось, что подобная декларация «ослабляет надежность американского ядерного сдерживания, уменьшает возможность гибкости в применении военных средств и создает прецедент, который мог

бы повести к дальнейшим ограничениям на свободу ядерных действий». Президент Джонсон не поддержал АКВР и госдепартамент⁷.

В окончательном варианте договора, который был внесен на сессии Генассамблеи 31 мая 1968 г. и, в конце концов, ею одобрен, появился лишь пункт преамбулы, воспроизводивший общеизвестное положение Устава ООН о неприменении силы и не отвечающий прямо на конкретные требования неприсоединившихся государств по гарантиям безопасности:

«Напоминая, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций <...>⁸.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН 255 (1968) О ПОЗИТИВНЫХ ГАРАНТИЯХ

Отсутствие какого-либо решения вопроса о негативных гарантиях в течение многих лет вызывало (и продолжает вызывать) озабоченность неприсоединившихся государств. В создавшихся условиях они сосредоточили свои усилия на решении одновременно с заключением договора хотя бы вопроса о позитивных гарантиях безопасности, отложив на будущее договоренность о проблеме негативных гарантий. Особую активность в этом отношении проявляла Нигерия, претендовавшая на роль лидера африканских стран в данном вопросе. 2 ноября 1967 г. она предложила к проекту договора дополнительную статью следующего содержания:

«Каждое из государств – участников настоящего договора, обладающих ядерным оружием, в случае обращения к нему с соответствующей просьбой обязуется прийти на помощь любому не обладающему ядерным оружием государству, которое сталкивается с угрозой ядерным оружием или подверглось нападению с применением такого оружия»⁹.

В ответ советская, американская и британская делегации 7 марта 1968 г. выступили с предложением о принятии Советом Безопасности ООН резолюции по позитивным гарантиям. Первоначально эта идея, как уже указывалось, была предложена Советским Союзом Индии, затем она обсуждалась 23 июня 1967 г. между А.А. Громыко и госсекретарем США Дином Раском (во время встреч между Линдоном Джонсоном и А.Н. Косыгиным в Глассборо, штат Нью-Джерси). Советский министр пояснил тогда, что речь идет об обязательствах относительно действий постоянных членов Совета в рамках их обязательств по Уставу ООН, при этом советская сторона готова проявить гибкость в отношении того, будут ли гарантии даны в качестве приложения к договору или в качестве какого-либо заявления при заключении договора. Госсекретарь, со своей стороны, подчеркнул, что для США возникли бы проблемы конституционного порядка, если бы гарантии безопасности предоставлялись исполнительной властью, поскольку договор подлежит одобрению сенатом двумя третями голосов. В ответ на замечание Дина Раска о том, что если Индия получит гарантии безопасности, то их пожелают иметь и другие неядерные страны, А.А. Громыко разъяснил, что заявление будет сделано не одной Индии, а вообще неядерным государствам¹⁰.

Предложенное тремя ядерными державами решение – принятие резолюции Советом Безопасности вместе с подкрепляющими резолюцию заявлениями, которые были бы ими сделаны в Совете, – самое большее, на что СССР, США и Великобритания могли пойти по позитивным гарантиям. Советский представитель, выступая в Комитете 18 государств 7 марта 1968 г., заявил: «Мы считаем, что проект резолюции Совета Безопасности по вопросу о гарантиях безопасности должным образом решает проблему обеспечения безопасности неядерных государств – участников договора о нераспространении ядерного оружия»¹¹. В аналогичном ключе высказались представители США и Великобритании.

Трехсторонний проект резолюции по позитивным гарантиям был внесен на рассмотрение Совета Безопасности тремя ядерными государствами 12 июня 1968 г. – в день при-

нения Генеральной Ассамблеей решения об одобрении ДНЯО – и принят Советом 19 июня в качестве резолюции 255 (1968). За нее голосовали 10 членов Совета, *против* голосов не было, воздержались Франция, Индия, Пакистан, Алжир и Бразилия.

Перед ее принятием представители трех держав сделали заранее согласованные идентичные заявления. В заявлениях было сказано, что ключевым является положение резолюции о том, что агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против неядерного государства создала бы качественно новую обстановку, в которой Совет Безопасности, и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу ООН. Заявлялось, что резолюция подтверждает неотъемлемое право всех государств, признаваемое статьей 51 Устава, на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на государство – члена ООН, до тех пор, пока Совет не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Любое государство, которое совершит агрессию с применением ядерного оружия или будет угрожать такой агрессией, должно знать, что его действия будут эффективным образом отражены при помощи мер, которые должны быть приняты в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для подавления агрессии или устранения угрозы агрессии. Заявления трех держав были взаимосвязаны и, следовательно, на практике составляли *совместные* гарантии безопасности, подкрепленные решением Совбеза ООН.

Следует признать, что резолюция Совета Безопасности по своему юридическому значению по сути дела мало чего добавляла к уставным положениям относительно возможных действий Совета Безопасности по поддержанию международного мира и безопасности, однако она – и это существенно – специально подчеркивала значение предоставления гарантий безопасности неядерным государствам – участникам ДНЯО и сопровождалась важными согласованными заявлениями трех ядерных держав-гарантов, которые в соавторстве внесли проект резолюции на рассмотрение Совета. Поясняя позицию Советского Союза по этому вопросу, В.В. Кузнецов заявил на сессии Генассамблеи ООН 20 мая 1968 г.:

«Речь, конечно, не идет и не может идти о том, чтобы была обеспечена абсолютная гарантия безопасности, стопроцентная гарантия против любого нападения <...>. Такой гарантии никто никому дать в настоящее время не может.

<...> Некоторые делегации выступили в ходе дискуссии с тех позиций, что предлагаемая резолюция Совета Безопасности якобы не содержит ничего нового, ничего такого, что уже и теперь не было бы предусмотрено Уставом ООН <...>. Но такая оценка не учитывает главного. Новым и весьма важным элементом предлагаемой резолюции Совета Безопасности как раз и является то, что она предусматривает немедленные действия постоянных членов Совета Безопасности, обладающих ядерным оружием <...>. Принятие резолюции Совета Безопасности, возлагающей на ядерные державы такое обязательство, наполнит более глубоким содержанием те положения Устава ООН, которые касаются действий Организации Объединенных Наций в интересах сохранения и упрочения мира, особенно применительно к угрозе ядерного нападения <...>.

<...> Предлагаемая резолюция Совета Безопасности своим острием и направлена на то, чтобы не допустить ядерного нападения, заранее поставить потенциального агрессора в такое положение, когда бы он знал, что его действия будут эффективным образом отражены <...>. Разве это не новый шаг со стороны Организации Объединенных Наций в направлении укрепления безопасности неядерных стран?»¹²

В целом, несмотря на неудовлетворенность ряда неядерных стран резолюцией Совета Безопасности 255, это не помешало огромному большинству этих стран присоединиться к договору о нераспространении, так что можно с уверенностью утверждать, что решение Совета Безопасности относительно позитивных гарантий вместе со сделанными при его принятии заявлениями правительств СССР, США и Великобритании сыграло существенную роль в формировании международного режима нераспространения ядерного оружия.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ ПО СОБЛЮДЕНИЮ БЕЗЪЯДЕРНОГО СТАТУСА ЗОН, СВОБОДНЫХ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), в Латинской Америке (Договор Тлателолко), в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор), в Африке (Договор Пелиндаба) и в Центральной Азии (Семипалатинский договор), объединяющие свыше ста неядерных государств, предусматривают *юридические* обязательства о соблюдении ядерными державами безъядерного статуса этих зон и о неприменении против участников зон ядерного оружия, зафиксированные в соответствующих протоколах к этим договорам, которые на деле и представляют собой гарантии безопасности участников ЗСЯО. Однако не все эти протоколы получили поддержку всех ядерных держав, многие из которых при подписании протоколов сделали различные оговорки.

Так, Советский Союз при подписании Дополнительного протокола II к Договору Тлателолко сделал заявление от 18 мая 1978 г., в котором, в частности, было сказано, что «любые действия, предпринятые государством или государствами, являющимися участниками Договора Тлателолко, несовместимые с их безъядерным статусом, а также совершение одним или несколькими государствами – участниками Договора акта агрессии при поддержке государства, обладающего ядерным оружием, или совместно с таким государством будут рассматриваться Советским Союзом как несовместимые с соответствующими обязательствами этих стран по Договору. В подобных случаях Советский Союз оставляет за собой право пересмотреть свои обязательства по Дополнительному протоколу II»¹³.

Близкие по содержанию оговорки были сделаны Соединенными Штатами, Великобританией и Францией.

МЕМОРАНДУМЫ О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНА

После распада Советского Союза на территории Украины, Белоруссии и Казахстана осталось некоторое количество ядерного оружия со средствами его доставки. В течение 1992–1994 гг. шли интенсивные переговоры между российским руководством и правительствами образовавшихся независимых государств о выводе ядерного оружия на территорию России и о присоединении этих стран к ДНЯО в качестве неядерных государств-участников. В переговорах и консультациях участвовали Соединенные Штаты, а также Великобритания.

В их итоге Украина, Белоруссия и Казахстан вступили в договор в этом качестве, а ядерное оружие было вывезено в РФ. При этом по просьбе этих государств между ними и Российской Федерацией, Соединенными Штатами и Великобританией 5 декабря 1994 г. в Будапеште были подписаны совместные идентичные меморандумы о гарантиях безопасности, согласно которым РФ, США и Великобритания подтвердили свое обязательство добиваться от Совбеза ООН незамедлительных действий по предоставлению помощи, если эти страны станут жертвами агрессии или объектами угрозы агрессии с применением ядерного оружия. В меморандумах также было подтверждено обязательство РФ, США и Великобритании не применять ядерное оружие против неядерных государств – участников ДНЯО, за исключением случаев нападения на них, на их территории или зависимые территории, на их вооруженные силы или их союзников таким государством совместно или в союзе с ядерным государством.

Таким образом, предоставление гарантий безопасности Украине, Белоруссии и Казахстану сыграло существенную положительную роль в присоединении этих стран к ДНЯО в качестве его неядерных участников¹⁴.

КОНФЕРЕНЦИЯ 1995 Г. ПО ОБЗОРУ И ПРОДЛЕНИЮ ДНЯО

Важным рубежом в предоставлении гарантий безопасности неядерным государствам явилась Конференция 1995 г. по рассмотрению действия и продлению ДНЯО. К этому

времени к договору присоединились две оставшиеся вне его ядерные державы – Франция и Китай, и обе они сделали односторонние заявления о негативных гарантиях.

Российская формула негативных гарантий, впервые провозглашенная в военной доктрине от 2 ноября 1993 г. и подтвержденная в заявлении МИД РФ от 5 апреля 1995 г., гласит:

«Российская Федерация не применит ядерное оружие против государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, ее вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием»¹⁵.

Сходные заявления были сделаны Соединенными Штатами, Великобританией и Францией. Китай еще раз подтвердил свое заявление, впервые сделанное в 1964 г., о неприменении первым ядерного оружия «никогда и ни при каких обстоятельствах».

В американском заявлении о негативных гарантиях от 5 апреля 1995 г. подтверждалась позиция по таким гарантиям, впервые обнародованная в 1978 г. В этом заявлении 1995 г. говорилось:

«Соединенные Штаты Америки вновь подтверждают, что они не применяют ядерное оружие против не обладающих ядерным оружием государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Соединенные Штаты Америки, их территории, их вооруженные силы или другие войска, их союзников или на государство, по отношению к которому они имеют обязательство по обеспечению безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким не обладающим ядерным оружием государством совместно или в союзе с государством, обладающим ядерным оружием».

Вместе с тем, в указанное заявление США было включено существенное условие: «Важно, чтобы участники Договора о нераспространении ядерного оружия выполняли свои обязательства по Договору. В этой связи, в соответствии с общепризнанными принципами международного права, участники Договора о нераспространении ядерного оружия должны соблюдать эти обязательства, с тем чтобы иметь право на получение любых выгод, связанных с присоединением к Договору»¹⁶. При этом, однако, не уточнялось, кем и каким образом будет определяться, соблюдаются или нет обязательства по ДНЯО тем или иным участником договора, что может допускать толкование в том смысле, что несоблюдение договора может быть произвольно констатировано по воле и решению одного или нескольких государств, а не в соответствии с общепринятыми нормами международного права.

По инициативе всех пяти ядерных государств 11 апреля 1995 г., накануне Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО, Совет Безопасности принял новую резолюцию о гарантиях безопасности 984 (1995). Впервые резолюция СБ включала в себя не только позитивные, но также затрагивала и негативные гарантии. Однако в последнем случае это было сделано лишь путем *принятия к сведению с удовлетворением* заявлений, сделанных каждым из ядерных государств, в которых они предоставляют гарантии о неприменении ядерного оружия против неядерных участников ДНЯО с оговорками, упоминавшимися выше.

Резолюция 984, в дополнение к предложению военной помощи жертвам ядерной агрессии, призывает членов ООН предоставить техническую, медицинскую, научную или гуманитарную помощь таким жертвам, а также выплату им компенсации за потери, ущерб или причиненный вред. Решение Совета содержит в своей преамбуле недвусмысленное заявление о том, что «любая агрессия с применением ядерного оружия поставит под угрозу международный мир и безопасность», сделав, таким образом, применимой к данному случаю главу VII Устава ООН, которая уполномочивает применение силы по решению Совета, когда существует угроза международному миру и безопасности. Эти добавления существенно улучшают резолюцию СБ 1968 г. Однако резолюция 984 не осуждает недвусмысленно применение или угрозу применения ядерного оружия против неядерных государств – участников ДНЯО, не составляет она и юридического обязательства не угрожать и не нападать на неядерные государства с применением такого оружия»¹⁷.

Резолюция 984 была принята единогласно, хотя некоторые неядерные государства – члены Совета Безопасности и другие государства, принимавшие участие в заседании Совета (Индонезия, Нигерия, Египет), выразили мнение, что резолюция не идет достаточно далеко. На Конференции 1995 г. неприсоединившиеся государства продолжали критиковать недостатки резолюции и требовать принятия более надежных гарантий безопасности. Формулировка соответствующего параграфа решения конференции по «Принципам и целям ядерного нераспространения и разоружения», принятая без голосования, т.е. с согласия и ядерных держав, гласит:

«8. Принимая к сведению резолюцию 984 (1995) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, которая была принята единогласно 11 апреля 1995 года, а также заявления государств, обладающих ядерным оружием, касающиеся как негативных, так и позитивных гарантий безопасности, необходимо рассмотреть вопрос о дальнейших мерах для предоставления государствам – участникам Договора, не обладающим ядерным оружием, гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия. Эти меры могли бы выразиться в разработке международного документа, имеющего обязательную юридическую силу»¹⁸.

Решение Конференции по принципам и целям вместе с решением об усилении процесса рассмотрения действия ДНЯО фактически составило *единый пакет* с решением о бессрочном продлении договора¹⁹, и не проходит ни одной обзорной конференции по ДНЯО и сессии Конференции по разоружению (КР), чтобы вопрос о гарантиях не поднимался неядерными государствами в такой плоскости и в такой увязке.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДНЯО 2000 Г.

На этой конференции все ядерные державы согласились на включение в заключительный документ, который был принят на основе консенсуса, следующего пункта:

«Конференция соглашается, что юридически обязывающие гарантии безопасности пяти государств, обладающих ядерным оружием, предоставленные государствам-участникам Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающим ядерным оружием, укрепили бы режим ядерного нераспространения. Конференция призывает Подготовительный комитет подготовить рекомендации по этому вопросу к Обзорной конференции 2005 г.»²⁰.

Хотя следует признать немаловажным тот факт, что на данной обзорной конференции по ДНЯО с общего согласия всех делегаций было принято решение в пользу выработки юридически обязывающих гарантий безопасности, такое решение все же носило не обязательный, а только рекомендательный характер. Как показал дальнейший ход событий, на деле никакого движения вперед после принятия этой рекомендации не было.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЗИЦИЯХ ЗАПАДНЫХ ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ ПО ГАРАНТИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

Инициаторами изменения ядерной политики **Соединенных Штатов** по гарантиям безопасности, судя по имеющимся открытым публикациям, выступили стратегическое командование США (STRATCOM) и американские ядерные лаборатории. Еще в 1988 г. Лос-Аламосская лаборатория провела семинар на тему о будущем ядерного оружия, в ходе которого некоторые из выступавших говорили о *новых* миссиях ядерного оружия. «Если враждебные региональные государства приобретут ядерное *или* химическое и биологическое оружие, – указывали они, – то Соединенным Штатам, возможно, придется пересмотреть свою ядерную доктрину и перестроить ядерные силы специально для того, чтобы решать проблемы, возникающие в связи с таким распространением ОМУ»²¹. При этом на семинаре раздавались голоса в пользу разработки боеголовок, способных проникать глубоко под поверхность земли и взрываться под землей. Со своей стороны, стратегическое командование США выдвинуло предложение о том, чтобы «для противодействия угрозе [ОМУ] США не исключали возможность *упреждающего* применения первыми ядерного оружия [выделено мной. – Р.М.]»²².

Когда в октябре 1993 г. тогдашний министр обороны США Лес Эспин объявил о начале разработки первой после окончания холодной войны ядерной доктрины (Обзор ядерной политики – Nuclear Posture Review), он сказал, что «будут внесены изменения в политику [и] доктрину». Во время этой работы рассматривалось несколько изменений в ядерной политике, включая неприменение ядерного оружия, кроме случаев нападения с применением *любого* оружия массового уничтожения. По существу это предложение расширяло бы варианты применения первым ядерного оружия против неприсоединившихся стран, что шло бы дальше заявления США о негативных гарантиях 1978 г., впоследствии подтвержденного в 1995 г., поскольку оно допускало бы применение ядерного оружия *против химического или биологического нападения*, даже если бы нападающий не действовал совместно с ядерной державой.

По завершении пересмотра ядерной доктрины министерство обороны США, судя по всему, не рекомендовало публично заявлять об изменении политики ни Соединенными Штатами, ни Североатлантическим блоком. Решение, объявленное администрацией Билла Клинтона 22 сентября 1994 г., не содержало фундаментальных изменений в доктрине применения ядерного оружия. Оно сохраняло политику применения ядерного оружия в качестве *последнего средства* в ответ на неядерное нападение на вооруженные силы США. Тем не менее, при обнародовании Обзора ядерной политики тогдашний заместитель министра обороны Джон Дейч (впоследствии директор ЦРУ) все же заявил журналистам, что стране, рассматривающей применение химического оружия, придется «принять во внимание» возможность того, что в ответ могут быть применены ракеты с ядерным оружием²³.

Но публично при администрации Билла Клинтона Соединенные Штаты продолжали придерживаться своей прежней позиции по негативным гарантиям безопасности. Как указывалось выше, они подтвердили свое заявление о негативных гарантиях накануне Обзорной конференции по ДНЯО 1995 г.

Однако, как сообщалось в американской печати, в ноябре 1997 г. президент Клинтон утвердил секретную директиву (PDD-60), некоторые положения которой просочились в прессу. В частности, появились сведения о том, что директива допускает возможность ядерного возмездия в случае применения неядерными странами химического или биологического оружия.

Подводя итог действиям и заявлениям администрации Клинтона в области ядерной политики, аналитики из Монтерейского института международных исследований Чарльз Блэр и Жан дю При делают вывод, что эта администрация «способствовала дальнейшей институционализации пренебрежительного отношения США к негативным гарантиям безопасности»²⁴.

Следующий далеко идущий шаг в этом направлении был сделан с приходом к власти республиканской администрации Джорджа Буша-мл. В Обзоре ядерной политики 2001 г. [2001 Nuclear Posture Review] предусматривалось не только наличие способности сдерживания и возмездия в случае применения неядерными странами оружия массового уничтожения, но и содержалась угроза нанесения упреждающего ядерного удара по неядерным государствам, если существовало бы подозрение в разработке ими потенциала оружия массового уничтожения. В новом Обзоре ядерной политики была устранена двусмысленность в отношении негативных гарантий, содержащаяся в доктринальных документах периода администрации Клинтона, и говорилось о применении ядерного оружия «в качестве возмездия в ответ на использование ядерного, биологического и химического оружия» или даже «в случае неожиданного развития военных событий [in the event of surprising military developments]»²⁵.

Вскоре после представления новой американской ядерной доктрины Конгрессу США все точки над *i* расставил тогдашний заместитель госсекретаря США по контролю над вооружениями и нераспространению, а в дальнейшем американский представитель при ООН Джон Болтон, по существу давший понять, что Соединенные Штаты более не считают себя связанными своим заявлением по негативным гарантиям. Указав, что «11 сентября 2001 г. показало ложность идеи о том, что прекрасные теории сдержива-

ния, заложенные в негативных гарантиях безопасности, удерживают всех», Болтон с присущей ему бесцеремонностью объявил, что нынешняя администрация «не будет заниматься теоретическими утверждениями, которые делались прежними администрациями [в 1978 и 1995 гг.]»²⁶.

В том же плане высказался 28 октября 2008 г. министр обороны США Роберт Гейтс, заявивший, что Соединенные Штаты «заставят любое государство, террористическую группу, негосударственное образование или индивидуума нести полную ответственность за поддержку или содействие террористическим попыткам приобрести или применить оружие массового уничтожения, будь то путем содействия, финансирования или предоставления экспертизы или убежища для такого рода попыток»²⁷.

Нашумевшее выступление прежнего президента **Франции Жака Ширака** 19 января 2006 г. относительно французской ядерной доктрины позволяет сделать вывод о возможном изменении позиции страны по гарантиям безопасности неядерных государств. В этом выступлении он, в сущности, провозгласил обновленную ядерную доктрину. Ширак вначале подчеркнул наличие «постоянно меняющейся обстановки», характеризующейся в настоящее время «отсутствием прямой угрозы, которая исходила бы от крупной державы». Но окончание холодной войны, продолжал он, «не устранило угрозы миру. Во многих государствах распространяются радикальные идеи, проповедующие конфронтацию между цивилизациями, культурами и религиями. <...> Один из наших приоритетов – борьба с терроризмом. <...> Наш мир постоянно меняется, и ведутся поиски нового политического, экономического, демографического и военного баланса сил. Это характеризуется быстрым возникновением новых полюсов силы».

«И, – продолжал Ширак, – мы не безобасены ни от внезапного изменения в международной системе, ни от стратегических неожиданностей». Особенное внимание он обратил на то, что «имеют место притязания на утверждение силы, основанной на владении ядерным, биологическим и химическим оружием». В этих условиях «было бы наивно полагать, что одни лишь предупредительные меры достаточны для того, чтобы защитить нас. Для обеспечения того, чтобы к нам прислушались, мы должны быть также в состоянии применить силу, когда это необходимо. <...> Ядерное сдерживание остается фундаментальной гарантией нашей безопасности. <...> Ядерное сдерживание не предназначено для сдерживания фанатичных террористов. И, однако, руководители государств, которые использовали бы террористические средства против нас, а также те, кто *подумает* использовать тем или иным способом оружие массового уничтожения, должны знать, что они сами будут подвержены твердому и соответствующему ответу с нашей стороны. Ответ этот мог бы быть конвенциональным. *Он мог бы быть и иного характера* [выделено мной. – Р.М.]».

Что же делать Франции в этой ситуации? Ширак так формулировал задачу: «Модернизация и адаптация [наших] возможностей необходимы, чтобы наше сдерживающее средство сохраняло необходимую надежность в развивающейся геостратегической обстановке». Конкретизируя, он сказал, что «в этом быстро переменчивом мире баллистическая ракета *M-51* и усовершенствованная система средней дальности *воздух-земля (ASMPA)* дадут нам возможность перекрывать угрозы, откуда бы они ни исходили и каков бы ни был характер таких угроз»²⁸.

Примерно в том же ключе было выдержано заявление нынешнего президента страны Николая Саркози 21 марта 2008 г. в Шербурге в связи с предстоящим в скором времени вводом в эксплуатацию новой атомной подводной лодки *Le Terrible* с межконтинентальными баллистическими ракетами. Саркози объявил, что будет подготовлена новая Белая книга по обороне и национальной безопасности.

Что касается **Великобритании**, то британцы, в частности, на заседаниях Конференции по разоружению в 2007 г., высказывались за то, чтобы вопрос о негативных гарантиях безопасности решался не на универсальной международной основе, а путем принятия ядерными державами обязательств по гарантиям в рамках зон, свободных от ядерного оружия. Между тем, как отмечают специалисты, сами же британцы весьма селективно относятся к соответствующим протоколам о гарантиях, уклоняясь, например, от присоединения к протоколам по созданию ЗСЯО в Юго-Восточной Азии и в Центральной Азии²⁹.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДНЯЮ 2005 Г.

На Конференции по рассмотрению действия ДНЯЮ, состоявшейся в мае 2005 г., американская делегация в открытую выступила против негативных гарантий безопасности неядерных государств. Эта конференция, как известно, завершилась безуспешно, без принятия заключительного документа, причем в немалой степени из-за разногласий между Соединенными Штатами и большинством неядерных государств по вопросу о гарантиях безопасности.

Еще в ходе подготовки к конференции – на заседаниях ее Подготовительного комитета – делегация США высказывалась в том плане, что нет оснований для выработки юридически обязывающих гарантий безопасности. При этом приводился довод, что «окончание холодной войны в еще большей мере уменьшило значимость гарантий неприменения ядерного оружия со стороны пяти постоянных членов СБ ООН для безопасности неядерных государств – участников ДНЯЮ, особенно по сравнению с теми реальными угрозами, которые исходят от нарушителей этого договора и негосударственных игроков» и что «юридически обязывающие гарантии, которых добивается большинство государств, не имеют отношения к нынешним угрозам для ДНЯЮ»³⁰.

На самой конференции в рамках Главного комитета I был создан вспомогательный орган для подготовки рекомендаций по ст. VI ДНЯЮ и гарантиям безопасности неядерных государств, председателем которого с общего согласия был назначен представитель Новой Зеландии Тим Колей [Tim Caughley]. На основании состоявшихся обсуждений он подготовил рабочий документ, в котором попытался суммировать мнения делегаций по этим аспектам³¹. Для понимания американской позиции по гарантиям немалый интерес представляют поправки, официально внесенные делегацией США к документу председателя вспомогательного органа в день завершения работы конференции – 27 мая 2005 г.³².

Делегация США для начала предложила убрать из подзаголовка «Негативные гарантии безопасности» слово *негативные*. Далее, было предложено исключить ссылки на пункты, относящиеся к гарантиям безопасности, зафиксированные в решениях конференций по ДНЯЮ 1995 и 2000 гг., которые были приняты на этих конференциях с согласия Соединенных Штатов. Американская делегация также высказалась за то, чтобы *полностью опустить* пункт 7 документа председателя, в котором говорилось:

«7. Конференция соглашается с необходимостью дальнейшей работы, в контексте процесса рассмотрения действия договора в течение последующего обзорного периода, с целью формулирования гарантий безопасности в виде юридически обязывающего документа с тем, чтобы одобрить результаты этих обсуждений на конференции по ДНЯЮ 2010 г.».

Россия подтвердила на Обзорной конференции 2005 г. свою традиционную позицию по гарантиям безопасности неядерных государств. В национальном докладе о выполнении Российской Федерацией договора о нераспространении, представленном на конференции, было заявлено:

«Россия неизменно поддерживает стремление государств – участников ДНЯЮ, не обладающих ядерным оружием, получить юридически обязывающие гарантии, исключающие применение или угрозу применения в отношении них ядерного оружия. Достижение этой цели способствовало бы укреплению режима ядерного нераспространения, доверия и предсказуемости между государствами <...>

Мы подтверждаем свои обязательства, вытекающие из резолюции Совета Безопасности 984 (1995) Организации Объединенных Наций. Россия предоставила юридически обязывающие гарантии безопасности всем государствам, присоединившимся к соответствующим соглашениям о ЗСЯО. Намерены и дальше поступать так же по мере создания новых безъядерных зон <...>

Не возражаем против воссоздания на Конференции по разоружению в Женеве Специального комитета с переговорным мандатом по пункту повестки дня «Эффективные международные договоренности о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия» при условии учета предусмотренной в военной доктрине России позиции в отношении случаев, когда такое оружие может быть применено»³³.

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в Основах государственной политики Российской Федерации в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, принятых и опубликованных в *Российской Газете* 17 мая 2005 г.

(в период проведения Обзорной конференции), вопрос о гарантиях безопасности неядерных государств не нашел своего отражения.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Проблема гарантий безопасности неядерных государств в согласованной формулировке в течение ряда лет (с 1998 г.) значится в повестке дня Конференции по разоружению (КР). Однако программа работы КР и, соответственно, создание специальных комитетов с переговорными мандатами тормозится уже свыше 10 лет из-за отсутствия согласия между членами КР о проведении переговоров по конкретным проблемам разоружения и ограничения вооружений, включая и вопрос о негативных гарантиях безопасности. В создавшихся условиях дело ограничивается эпизодическими обсуждениями этого вопроса на пленарных заседаниях КР.

Так, специальное пленарное заседание КР для обсуждения гарантий безопасности было проведено 7 июля 2005 г. Открывая дискуссию, представитель Южной Африки заявил, что неядерные государства имеют право на получение международных юридически обязывающих гарантий безопасности по ДНЯО. Разработка таких гарантий в контексте ДНЯО – в отличие от других форумов – даст значительные выгоды участникам договора и может послужить положительным стимулом для тех стран, которые все еще остаются вне его. Такой международный юридически обязывающий документ должен быть принят либо в форме отдельного соглашения, достигнутого в контексте ДНЯО, либо в качестве протокола к Договору.

С подтверждением своих традиционных позиций по гарантиям безопасности выступили на этом заседании делегации России, Великобритании, Франции и Китая. Показательно, что делегация Соединенных Штатов в обсуждении участия не принимала³⁴.

В 2006 г. с заявлениями по гарантиям безопасности на заседаниях КР выступали делегации Франции, Германии, Кубы, Индии, Италии, Пакистана, Ирана, России. Делегация РФ на заседании 2 февраля 2006 г. заявила, что Россия готова «двигаться в направлении выработки глобального соглашения о негативных гарантиях безопасности». Делегация Германии 7 февраля заявила, что стратегия Европейского Союза против распространения ОМУ, принятая Советом ЕС в декабре 2003 г., исходит из того, что «позитивные и негативные гарантии безопасности <...> могут служить как в качестве стимула для отказа от обладания ОМУ, так и сдерживающим средством».

Перспективы разблокирования тупиковой ситуации с программой работы КР и созданием переговорных комитетов не просматривались и на сессиях Конференции по разоружению в 2007 и 2008 гг.

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 2010 Г.

В ходе подготовки к обзорной конференции 2010 г. на сессиях подготовительного комитета конференции многие неядерные государства, и прежде всего страны, принадлежащие к движению неприсоединения (ДН), продолжают настойчиво продвигать предложение о выработке юридически обязывающего соглашения о гарантиях безопасности неядерных государств.

На сессии подготовительного комитета 2008 г. Индонезия, выступавшая от имени ДН, призвала к тому, чтобы конференция 2010 г. «существенным образом сфокусировала свое внимание на этом критическом вопросе». Подчеркивая, что «юридически обязывающие гарантии безопасности в контексте договора принесут большую пользу государствам – участникам договора и ускорят дальнейший прогресс в деле ядерного разоружения и нераспространения», страны ДН высказались за создание на конференции отдельного вспомогательного органа по гарантиям безопасности. Представитель Индонезии заявил на сессии, что «впредь до полного уничтожения ядерного оружия должны быть предприняты усилия

на приоритетной основе по заключению универсального и юридически обязывающего документа о гарантиях безопасности неядерных государств без каких-либо условий»³⁵.

Поддержав это предложение, представитель Южной Африки заявил, что «переговоры о юридически обязывающих гарантиях безопасности должны <...> иметь место под эгидой ДНЯО в контексте интенсивного процесса рассмотрения действия договора». В том же ключе выступила делегация Мексики, говорившая от имени стран Латинской Америки и Карибского региона. Делегация Украины выступила с более широким предложением о созыве международной конференции по вопросам предоставления гарантий безопасности неядерным государствам.

Делегация России подтвердила традиционную позицию страны. Руководитель делегации А.И. Антонов заявил на заседании подготовительного комитета 28 апреля 2008 г.: «Считаем по-прежнему актуальным вопрос укрепления гарантий безопасности неядерным государствам. Выступаем за разработку глобальной договоренности о таких гарантиях, исключающих применение или угрозу применения ядерного оружия с учетом исключительных случаев, изложенных в военных доктринах ядерных держав»³⁶. Американская делегация в своем выступлении в комитете, говоря о том, чего могла бы достичь обзорная конференция 2010 г., вопрос о гарантиях безопасности обошла молчанием. Совместное заявление пяти ядерных держав от 9 мая также не содержит согласованной позиции по гарантиям безопасности.

Сессия подготовительного комитета не смогла принять согласованного документа, и дело ограничилось тем, что к документам сессии был приобщен рабочий документ ее председателя представителя Украины В.Ю. Ельченко, в котором в самом общем виде говорится о необходимости предоставления гарантий безопасности неядерным государствам³⁷.

В заключение следует отметить, что развивающиеся новые тенденции в политике некоторых ядерных держав, особенно Соединенных Штатов, по негативным гарантиям безопасности неядерных государств, как представляется очевидным, никак не способствуют поддержанию на должном уровне и тем более укреплению международного режима ядерного нераспространения. Умаление значения данной проблемы и переключение внимания исключительно на противодействие региональным вызовам этому режиму в ущерб общим задачам нераспространения представляются контрпродуктивными.

В интересах сохранения режима нераспространения в качестве основополагающей международно-правовой нормы и поддержания его долговременной стабильности требуются сбалансированные коллективные действия по всем основным направлениям системы нераспространения, отвечающие интересам максимально широкого круга государств – участников ДНЯО. Задача эта – не из легких, но она поддается решению при надлежащей воле со стороны ведущих государств. Важно, чтобы проблема укрепления гарантий безопасности привлекла к себе внимание руководящих эшелонов власти этих государств, особенно с учетом важности должной подготовки к обзорной конференции 2010 г.

Примечания

¹ Док. ENDC/178.

² Док. ENDC/167.

³ Bunn George. The Legal Status of U.S. Negative Security Assurances to Non-Nuclear Weapon States, *The Nonproliferation Review*, Spring-Summer 1997. P. 3.

⁴ Док. ENDC/165.

⁵ Док. ENDC/PV.325.

⁶ Там же.

⁷ Bunn George. Op. cit. P. 4.

⁸ Подробнее о рассмотрении гарантий безопасности при выработке ДНЯО см.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 328–348.

⁹ Док. ENDC/202.

¹⁰ LB Johnson Library. National Security File. Country File. Europe and USSR. Box 230; Files of Walt W. Rostow. Box 10; Administrative History of the U.S. Arms Control and Disarmament Agency, Parts I-IV, Boxes 1-2. Summary and Analysis of Principal Developments. P. 54-55; FRUS, 1964-1968, Vol. XI, Arms Control and Disarmament. P. 481-83. В докладе АКБП отмечалось, что именно Советский Союз своим предложением Индии «наметил путь к решению» вопроса о позитивных гарантиях безопасности.

¹¹ Док. ENDC/375.

¹² Док. A/C.1/PV/1571.

¹³ *Правда*, 19 мая 1978 г.

¹⁴ Банн Джордж, Тимербаев Р.М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам. М.: ПИР-Центр. *Научные Записки*, 1996, № 1. С. 9. Белоруссия и Казахстан присоединились к ДНЯО еще ранее подписания протоколов о гарантиях от декабря 1994 г.

¹⁵ Док. A/50/151 – S/1995/261. Это заявление было подтверждено и в военной доктрине России от апреля 2000 г.

¹⁶ Док. A/50/153 – S/1995/263.

¹⁷ Банн Джордж, Тимербаев Р.М. Цит. соч. С. 11.

¹⁸ Док. NPT/CONF.1995/32.

¹⁹ Банн Джордж, Тимербаев Р.М. Цит. соч. С. 11-12.

²⁰ Док. NPT/CONF.2000/28.

²¹ Blair Charles P., du Preez Jean P. Visions of Fission. The Demise of Negative Security Assurances on the Bush Administration's Pentomic Battlefield. *The Nonproliferation Review*, March 2005. Vol. 12, No. 1. P. 45.

²² Ibid. P. 48.

²³ *Arms Control Today*, November 1994. P. 27.

²⁴ Blair Charles P., du Preez Jean P. Op. cit. P. 51.

²⁵ Ibid. P. 54.

²⁶ Global Security Newsletter, Feb. 22, 2002. Цит. по: Charles P. Blair and Jean P. du Preez. Op. cit. P. 54. Вместе с тем следует заметить, что в контексте усилий по урегулированию ядерной проблемы КНДР США согласились на включение в совместное заявление участников шестисторонних переговоров (обе Кореи, КНР, США, Россия, Япония) от 19 сентября 2005 г. пункта, гласящего: «Соединенные Штаты дали заверение, что у них не имеется ядерного оружия на Корейском полуострове и что они не имеют намерения совершить нападение или вторгнуться в КНДР с помощью ядерного или обычного оружия». Таких безоговорочных гарантий безопасности США, насколько известно, никогда никому не давали. Впрочем, приведенное заявление требует соответствующего юридического оформления, как и другие положения совместного заявления.

²⁷ Speech by Secretary of Defense Robert M. Gates, Washington, D.C., 2008, October 28, <http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=1305> (последнее посещение – 28 октября 2008 г.).

²⁸ Французский аналитик Бруно Тертрэ из Фонда стратегических исследователей в своем комментарии от 23 января 2006 г. интерпретировал заявление Ширака таким образом, что президент имел в виду «возможное появление новых враждебных держав, особенно на Среднем Востоке, в Южной или Восточной Азии».

²⁹ *Disarmament Diplomacy*, Autumn 2007, № 86. P. 9.

³⁰ Док. NPT/CONF.2005/PC.III/WP.28.

³¹ Док. NPT/CONF.2005/MC.1/SB/CRP.4.

³² Док. NPT/CONF.2005/WP.62.

³³ Док. NPT/CONF.2005/29 от 11 мая 2005 г.

³⁴ Протокол заседания КР 7 июля 2005 г. – док. CD/PV.989.

³⁵ www.un.org/NPT2010/SecondSession/statements.

³⁶ Ibid.

³⁷ NPT/CONF/2010/PC.II/WP.43.